

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/21-44

Научная статья

© Т. Д. Соловей

МУЖЕСТВО ПУБЛИЧНОГО РАЗУМА: С. А. ТОКАРЕВ — ИСТОРИОГРАФ

С. А. Токарев стал основоположником отечественной историографической традиции, заложив концептуальную рамку изучения истории русской этнографии (досоветского периода), а также истоков и истории зарубежной этнологии. Речь идет об историографии не в узком смысле как функциональном довеске научного исследования, но в профессиональном понимании. В авторской трактовке историография — это не только (и не столько) нарратив о прошлом, сколько внутренний диалог науки и ее самопознание, рафинированная форма исследования прошлого и современности. Обращение С. А. Токарева к данному жанру относится к рубежу 1940–1950-х гг., когда сложилась уникальная констелляция предпосылок успешного историографического поиска. Эти предпосылки коренились как во внутринаучной динамике (обретение этнографией устойчивого статуса самостоятельной дисциплины и высокая степень зрелости профессионального дискурса), так и во внешних контекстуальных обстоятельствах (здесь совпали идеологический вектор — борьба с космополитизмом и массовое настроение — законное чувство гордости народа-победителя и героизация образа «Мы»). В подобной ситуации на первый план выходила задача создания респектабельной цеховой историографической традиции, а также масштабного историографического полотна, обозначающего весомое (а в советскую эпоху — лидирующее) место отечественной науки в контексте науки глобальной. Предмет авторского интереса — не анализ историографической концепции С. А. Токарева, а изучение обстоятельств и коллизий (внутридисциплинарных и политико-идеологических), связанных с подготовкой и публикацией масштабных историографических трудов. Затрагивается в статье обычно остающийся на периферии сюжет о научных пристрастиях (научной специализации) и специфике исследовательской стратегии ученого как проекции особенностей его психотипа. Почему историографический прорыв осуществил именно Токарев? Как была организована «исследовательская лаборатория» советского ученого, стесненного жесткими рамками плановости, скованного внешней (политико-идеологической) и внутренней (научного сообщества) цензурой, находящегося в условиях хронической академической и педагогической перегруженности? Эти вопросы представляют немалый науковедческий интерес.

Ключевые слова: С. А. Токарев, историография, история русской этнографии, история зарубежной этнологии, «дисциплинарная власть», кафедра этнографии МГУ, Институт этнографии, С. П. Толстов, М. О. Косвен, Н. Н. Чебоксаров

Соловей Татьяна Дмитриевна — д. и. н., профессор, кафедра этнологии исторического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119992, Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, к. 4, Г-429). Эл. почта: tsolovei19@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7453-297x>

Ссылка при цитировании: Соловей Т. Д. Мужество публичного разума: С. А. Токарев — историограф // Вестник антропологии. 2024. № 4. С. 21–44.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2024-4/21-44

Original Article

© *Tatyana Solovey*

THE COURAGE OF PUBLIC REASON: SERGEI ALEXANDROVICH TOKAREV AS A HISTORIOGRAPHER

S. A. Tokarev founded the Russian historiographical tradition, laying the conceptual framework for studying the history of Russian ethnography (its pre-Soviet period), and the origins and history of foreign ethnology. Here we regard historiography in its professional sense and not just as a functional appendage of scientific research. In the author's interpretation, historiography is not only (and not so much) a narrative about the past, but rather an internal dialogue of science and its self-reflection, a refined form of research into the past and modernity. S. A. Tokarev's appeal to this genre dates back to the turn of the 1940s–1950s, when a unique constellation of conditions for a successful historiographical search developed. These conditions were rooted both in the internal scientific dynamics (ethnography had acquired a stable status of an independent discipline and a high degree of maturity of professional discourse) and in external circumstances (here the ideological vector coincided with the public sentiment — the struggle against cosmopolitanism on the one hand and the legitimate pride of the victorious people on the other). In this context it was crucial to create a respectable historiographical tradition, which would highlight the significant (and in the Soviet era - the leading) role of Russian science in the global context. The author's interest is not in the analysis of S. A. Tokarev's historiographical concept, but rather in the circumstances and conflicts (interdisciplinary, political and ideological) surrounding the preparation and publication of vast historiographical works. The article touches upon the usually neglected topic about scientific preferences and the specifics of a scientist's research strategy as a projection of his psychotype. Why was it Tokarev who made the historiographical breakthrough? How was the "research laboratory" of a Soviet scientist organized, constrained by the rigid framework of planning, by external (political and ideological) and internal (scientific community) censorship, and under conditions of chronic academic and teaching overload? These issues are of considerable scientific interest.

Keywords: *S. A. Tokarev, historiography, history of Russian ethnography, history of foreign ethnology, "disciplinary authority", Department of Ethnography of Moscow State University, Institute of Ethnography, S. P. Tolstov, M. O. Kosven, N. N. Cheboksarov*

Author Info: **Solovey, Tatyana D.** — Doctor of History, Professor, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: tsolovei19@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7453-297x>

For citation: Solovey, T. D. 2024. The Courage of Public Reason: Sergei Alexandrovich Tokarev as a Historiographer. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 21–44.

Хотя историография как таковая — удел отдельных исследователей, знание истории дисциплины (здесь — этнографии/этнологии) представляет неотъемлемый элемент профессиональной идентичности. Наличие респектабельной историографической традиции свидетельствует зрелость научной дисциплины, обеспечивает ее устойчивость, концептуальную, проблемно-тематическую и культурно-ценностную преемственность, успешную смену поколений.

В данном случае речь не идет об историографии в узкой трактовке как самостоятельном сугубо функциональном доверье исследования, который чаще всего сводится к библиографическому обзору актуальной литературы по проблеме, находящейся в фокусе непосредственного исследовательского интереса. Но и более широкая версия, трактующая историографию этнологии как *историю* этой дисциплины (институциональную историю, историю накопления эмпирических данных, ретроспективу экспедиционной активности, историю борьбы идей, пантеон научных биографий) далеко не исчерпывает понимания историографии как научного жанра.

Историография — это нечто большее, чем нарратив о прошлом. Само прошлое не неизменно, оно находится в постоянном и интенсивном диалоге с современностью. В подобной интеллектуальной перспективе историография оказывается внутренним диалогом науки и ее самопознанием, рафинированной формой исследования прошлого и современности.

Что необходимо для развития историографической мысли? Во-первых, наличие ученого и(или) группы ученых, чувствующих вкус к изучению истории науки, обладающих особой исследовательской оптикой и склонностью к систематическому кабинетному (библиотечному и архивному) труду. Во-вторых, необходима достаточная временная дистанция, отделяющая историкографа от описываемых событий. Взгляд ученого в этом случае направлен не на актуальную динамику как череду разнокалиберных фактов и событий, а на восприятие генеральных тенденций и качественных сдвигов.

Наконец, историографические разыскания, а тем более создание обобщающих трудов по истории науки в качестве ключевого условия их реализации требуют наличия единой концептуальной канвы и конвенционального языка, обеспечивающих целостное восприятие и описание прошлого. Необходимо наличие тех спорных, но единых и твердых оснований, с которых можно было бы, по выражению Л. М. Баткина, войти «в блестящую и необходимую односторонность, в общем-то, любой стоящей методологической позиции» (цит. по: Миськова 2017: 41).

С. А. Токарев — крупнейший в нашей стране исследователь истории российской и зарубежной этнологии — начал восхождение к вершинам историографического жанра на рубеже 1940–1950-х гг. В 1944 г. Токарев подготовил доклад «История русской этнографии» «для несостоявшейся сессии по истории русской науки» (Из дневников 1995: 190). Тогда же им был написан текст «История славянской этнографии» для «Славянского сборника» (Из дневников 1995: 190). Во второй половине 1940-х–начале 1950-х гг. по этой тематике был опубликован ряд статей, в том числе: «Этнография в Академии наук» (1945), «Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку» (1948; 1956), «Н. Н. Миклухо-Маклай как ученый и антрополог» (в соавторстве с Я. Я. Рогинским) (1950), «Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии» (1951). Одновременно ученый работал над фундаментальной монографией по истории русской этнографии, которая увидит свет в 1966 г.

Именно на рубеже 1940–1950-х гг. сложилась уникальная констелляция предпосылок успешного историографического поиска. В первую очередь, это наличие исследователя в лице С. А. Токарева, выразившего готовность взять на себя огромный труд по созданию стройной целостной концепции истории этнологической науки. Почему Токарев?

Разве не логично предположить, что в жесткой иерархической системе советской науки определение историографического вектора и образа прошлого возьмет на себя ее лидер — директор ИЭ АН СССР (1942–1956) и заведующий кафедрой этнографии исторического факультета МГУ (1939–1952) С. П. Толстов. Солидный историографический задел имелся у М. О. Косвена, который читал курс историографии студентам университетской кафедры этнографии. Талантливый и разносторонний Н. Н. Чебоксаров, на посту заведующего кафедрой этнографии (1952–1956) в силу учебной необходимости неизбежно обращался к историографическим сюжетам. Но не они осуществили историографический прорыв. Более того, этот прорыв станет результатом не коллективных, но преимущественно индивидуальных усилий С. А. Токарева.

Когда речь заходит о советской этнографии 1940–1950-х гг. Токарева и Толстова обыкновенно ставят рядом. Однако их исследовательские пристрастия, их интеллектуальные стратегии, особенности психотипа и личностные темпераменты радикально различались. Толстов — историк, этнограф и археолог — имел задатки блестящего теоретика, обладал способностью генерировать новые идеи, пусть иногда «завиральные». Справедлива мысль Ю. И. Семенова: «Овладеть искусством теоретически мыслить, а тем более создавать новые теории, далеко не просто. Для этого нужна и определенная природная одаренность. Поэтому очень немногие советские этнологи оказались способными к такого рода деятельности. И одним из них был С. П. Толстов» (*Рапопорт, Семенов* 2004: 211).

Но пространство интеллектуальной свободы с начала 1930-х гг. неуклонно сжималось, атмосфера несвободы ограничивала возможности теоретизирования, творческого развития этнологической мысли. Огромный интеллектуальный потенциал Толстова реализовался не в кабинете, а в поле: археологическое и этнографическое исследование Средней Азии (открытие цивилизации Хорезма) принесло ему непреходящую славу. А взрывная энергия и неумный темперамент Толстова вылились в административную и социальную активность.

Разумеется, в качестве лидера советской этнографии Толстов делал доклады и писал статьи, которые языком советского официоза имели «установочный» характер: в них определялся идеологический вектор и исследовательские приоритеты (*Толстов* 1946; *Толстов* 1947; *Толстов* 1950; *Толстов* 1956; *Толстов* 1957; *Толстов* 1960 и др.). Эти тексты имеют важное значение для понимания исторического контекста и логики развития отечественной этнографии, но историографическими в строгом смысле не являются. Не будет упрощением сказать, что у Толстова попросту не было времени на кропотливую каталогизацию историографических фактов и историософскую рефлексию прошлого этнографии. Он был «бойцом» на этнографическом фронте современности, при всей неоднозначности характера и репутации серьезно способствовавшим укреплению статуса этнографии в реестре социалистических дисциплин исторического толка.

Превосходным знатоком истории русской этнографии и западной этнологической мысли обычно аттестуют М. О. Косвена. Точнее было бы говорить о нем как о

знатоке русской этнографической и западной этнологической литературы. Круг его «историографических» интересов составляли преддисциплинарная (ранняя) история отечественной этнографии (*Косвен* 1952; *Косвен* 1955б; *Косвен* 1956а; *Косвен* 1956б; *Косвен* 1961), история этнографического изучения Кавказа в российской науке (*Косвен* 1951; *Косвен* 1955а; *Косвен* 1958; *Косвен* 1962), в меньшей степени — институциональная история русской этнографии (*Косвен* 1953). М. О. Косвен читал курс историографии студентам университетской кафедры этнографии (историографический компонент подготовки студентов кафедры он делил с С. А. Токаревым). Однако фактический вклад Косвена в исследование истории отечественной этнологии состоял в презентации и комментировании историографических источников, или, как следует из названия его статей, в предоставлении «материалов к истории русской этнографии». Кроме того, Косвен был гиперчувствителен к веяниям идеологических ветров и интеллектуальной моде, поэтому посвятил себя разработке бесприоритетной для конца 1940-х гг. темы «матриархата» и снискал на этом поприще интеллектуальное признание: его монография «Матриархат. История проблемы» (1948) вышла под редакцией С. П. Толстова и получила престижную этнографическую премию им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

В круг приоритетов Н. Н. Чебоксарова, ставшего в 1952 г. преемником Толстова на посту заведующего кафедрой, историография тоже не входила. Хотя некоторые его статьи носили историографический характер (*Чебоксаров* 1946; *Чебоксаров* 1947; *Козлова, Чебоксаров* 1955; *Чебоксаров* 1959), систематического интереса к истории этнологической науки этот крупный ученый не обнаруживал. Его исследовательские интересы были сконцентрированы в, пожалуй, наиболее «престижной» сфере советской гуманитаристики — востоковедении. Видный специалист в области этнической истории народов Восточной Азии, этнической антропологии и этногенеза народов Евразии, за исследование этнической истории Китая он был удостоен премии имени Н. Н. Миклухо-Маклая (1948).

Историографии как неотъемлемой части дисциплинарного дискурса повезло, что она вошла в круг интересов С. А. Токарева. Отсутствие административного азарта и тяги к публичности, низкая чувствительность к модным веяниям, сочетались в нем с осознанной готовностью следовать predeterminedенным сверху заданиям, врожденной тягой к полезной деятельности и исключительной работоспособностью. Именно такой тип ученого мог заложить основы историографического жанра.

С. А. Токарев занимал оптимальную для историографа наблюдательную позицию. Во-первых, значительная временная дистанция отделяла историка науки от объекта исследования — досоветской этнографии, то есть была обеспечена возможность критического обобщающего взгляда на описываемые исторические реалии. Во-вторых, советская этнография как дисциплина к рубежу 1940–1950-х гг. достигла достаточно высокого уровня зрелости, и это в существенной степени задавало вектор восприятия прошлого. Историограф, фиксируя состояние профессионального дискурса на том или ином историческом этапе, ведет изложение с позиций сегодняшнего дня, исходя из презумпции знания результата (качественного состояния научной дисциплины здесь и сейчас). Прошлое науки реконструируется таким образом, чтобы обосновать закономерность такого исторического результата, при этом научная традиция видится как непрерывная, а настоящее — как продолжение лучших сторон прошлого и их качественное усовершенствование и развитие.

В первое послевоенное десятилетие этнография обрела устойчивый статус самостоятельной, включенной в реестр социалистических дисциплин. Но главным призом науки стало кардинальное расширение (особенно в сравнении с началом 1930-х гг.) понимания ее предмета. К началу 1950-х гг. советская этнография из науки о первобытном обществе, «пережитках» и триумфальном марше национальных окраин к социализму вновь превратилась в науку об этносах.

Этнография приобрела прочные концептуальные основания (основу единства составили сталинская типология этнических общностей и его же определение «нации»), а также общую систему понятий. Концептуальное единство позволило сформировать развитое коммуникативное пространство, функционировавшее на базе конвенционального языка в отчетливо очерченных теоретико-методологических и дисциплинарных границах «советской этнографии». А в серии «Труды ИЭ АН СССР» выходил специализированный тематический сборник «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», ставший влиятельной коммуникативной площадкой для систематического обсуждения историографических вопросов.

Однако отмеченная уникальная констелляция предпосылок историографического прорыва не дает объяснения (или не дает исчерпывающего объяснения) самому факту появления масштабных историографических трудов именно в это время. Указанные предпосылки отражают *внутридисциплинарную* динамику (высокую степень зрелости дисциплинарного дискурса), тогда как внешние контекстуальные влияния и импульсы остаются за кадром.

Государство-Левиафан, реализовавшее себя в сталинскую эпоху в исчерпывающей полноте, превратило ученых в государственных служащих, а интеллектуальное творчество подчинило казенной необходимости. Всепроникающая и вездесущая «дисциплинарная власть» (по Фуко) в ее советской максималистской версии, сформировала жесткую иерархическую организационную структуру отечественной науки с планированием и отчетностью (пространство «дисциплинарной однородности»). В жизнь советских интеллектуалов прочно вошли понятия «государственный заказ», «производственная необходимость» («производственное задание»).

Зададимся вопросом, было ли обращение Токарева к историографии добровольно взятым на себя обязательством перед наукой или спущенным сверху «производственным заданием»?

История отечественной этнографии с 1951 г. стояла в планах Института этнографии, а история зарубежной этнографии с 1958 г. — в планах Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и университетской кафедры этнографии. Активизация историографических исследований была следствием, в первую очередь, внутридисциплинарной динамики. Но это не исключает внешних контекстуальных влияний. Даже если это «задание» не являлось прямой директивой, исходящей от властных инстанций, оно вытекало из политико-идеологического и культурного контекста рубежа 1940–1950-х гг., то есть опосредованно было связано с «дисциплинарной властью».

Борьба с «космополитизмом», развернувшаяся в конце 1940-х гг., стимулировала поиски русского первенства во всем, включая науку. На первый план неизбежно выходила задача по конструированию впечатляющего историографического нарратива, в рамках которого отечественная наука исторически развивалась «ноздря в ноздрю» с западной, а в советскую эпоху — первенствовала, благодаря передовой марксистской идеологии и социальному первородству «первого в мире государства

рабочих и крестьян». Справедливости ради надо отметить, что советское общество (и советская интеллигенция как часть общества) испытывало в послевоенный период моральный подъем, всплеск законной гордости народа-победителя. Так что идеологический вектор и массовое самоощущение совпадали.

Не стоит забывать и о том, что отношения власти не простираются лишь до порога научного сообщества, внутри которого якобы царят корпоративная солидарность и императив объективного исследования. Под влиянием государственной власти научное сообщество само пропитывается отношениями власти и подчинения. В системе советской административной иерархии человек подобный Токареву, не умудренный в бюрократических хитросплетениях, конъюнктурщине и интриганстве, а еще добросовестный и безотказный оказывался в ловушке собственной интеллигентности. Похоже на него навешивали все то, от чего уклонялись его коллеги. Вот типичная дневниковая запись от 4 августа 1944 г.: «Был П. Г. Богатырев — я ему показывал свой очерк истории русской этнографии, который он хочет использовать для своей статьи по истории славяноведения — в Славянском сборнике (странно, как он не любит самостоятельно писать!)» (Из дневников 1995: 189). И еще, запись от 12 сентября 1947 г.: «В И.Э. — Кушнер и Третьяков совместно «уговорили» меня согласиться ехать в Болгарскую экспедицию... Мне ехать в Болгарию сейчас нехоти, ибо сильно запущены здешние дела...» (Из дневников 1995: 198).

Сквозной линией в дневниках Токарева проходит все возрастающая академическая и педагогическая (в рамках кафедры) нагрузка. Вот емкая запись от 7 августа 1944 г. — С. А. Токарев обсуждает с Н. Н. Чебоксаровым распределение педнагрузки на 1944/1945 учебный год и резюмирует эмоциональным восклицанием: «...Опять разбрасывание, ни на чем не сосредоточивание... У меня есть вообще мысль уехать из Москвы в один из университетских городов западных областей (Одесса, Киев, Львов, Рига...), где я был бы более хозяином сам себе... Но осуществимо ли это?» (Из дневников 1995: 190).

Интеллектуальная разносторонность Токарева, которую он в сердцах характеризует как «разбросанность», не означает, что у него не было ярко выраженных интеллектуальных пристрастий. Таковым выступала неизменная на протяжении его научной биографии подлинная страсть к истории религии. Еще в аспирантские годы, по его собственным словам, сложилась «система взглядов на религию и ее происхождение» (Из дневников 1995: 160), а в 1934 г. Токарев отчеканил: «...Проблемы происхождения религии — это моя *главная задача жизни* (курсив мой. — Т. С.)» (Из дневников 1995: 163).

Насколько можно судить, первоначально историография в число подобных пристрастий не входила, другое дело, что интеллектуальная захваченность и эмоциональная привязанность могут возникнуть в процессе работы над той или иной научной проблемой. А в ситуации «там» и «тогда» (в 1952 г.) Токарев принял решение «взять на себя общее руководство работой по «Истории русской этнографии», *которая сейчас без хозяина* (курсив мой. — Т. С.)» (Из дневников 1995: 211), поскольку не нашлось другого «добровольца». Если без обиняков, этот узкоспециальный, интеллектуально сложный и очень трудоемкий сегмент науки достался Токареву в силу его гипертрофированного чувства ответственности, тогда как его более амбициозные и «зубастые» коллеги не желали «брать на себя лишнего», предпочитая не «вспахивать» историографическую целину, а осваивать модные и социально престижные темы.

Историография в профессиональном смысле начинается с поиска и определения исследователем (или группой исследователей) места дисциплины в пространственно-временном континууме и в контексте глобальной науки. Историограф оказывается перед необходимостью зафиксировать и кодифицировать статус дисциплины в национальной традиции, а национальную традицию, в свою очередь, вписать в международный контекст.

Именно с этого и начинал вхождение в поле историографии Токарев — с установления хронологических (периодизация) и историко-культурных (национальная специфика) ориентиров отечественной этнографической традиции в глобальной системе интеллектуальных координат. Отправной точкой историографической концепции стал тезис о «многовековом» развитии русской этнографии, а основание концепции составила идея, исходящая из представления о том, что национальную специфику отечественной этнографии определяло и определяет внимание к народности/народу/этносу (последнее сформировало предметно-объектное поле этой дисциплины).

На Этнографическом совещании в Москве 24 января 1951 г. С. А. Токаревым был прочитан доклад «Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии (Проблема периодизации)» (Токарев 1951). Разработку периодизации он справедливо полагал «одним из необходимых условий написания истории русской этнографии», «первым шагом к ней» (Токарев 1951: 160) и рассматривал периодизацию не как «простое деление процесса на хронологические отрезки для удобства изложения», а как «установление качественно своеобразных этапов исторического процесса, развертывающегося во времени» (Токарев 1951: 161).

История развития этнографии в дореволюционной России была разбита на 8 периодов (XI–XVI вв.; конец XVI–XVII в.; XVIII в.; 1770–1790-е гг.; 1801–1830-е гг.; 1840–1860-е гг.; 1870–1890-е гг.; 1890-е гг. — 1917 г.). Метанарративом, сквозным сюжетом для описания качественного своеобразия каждого из периодов, выступал народ (народность). Взгляд С. А. Токарева на прошлое отечественной этнографии был структурирован таким образом, чтобы представить предысторию и историю досоветской этнографии как приготовление к рождению советской этнографии — науки об этносах.

Периодизация истории отечественной этнографии дооктябрьского периода выглядела более или менее обоснованной, тогда как попытка периодизации советской этнографии на 4 этапа (1917–1928 гг.; 1929–1934 гг.; 1934–1941 гг.; 1941 г. — донныне) носила пунктирный, неразвернутый характер и прямолинейно привязывалась к «отсечкам», характеризующим политико-идеологическую и социокультурную динамику советского государства.

С. А. Токарев способствовал значительному «удревнению» цеховой традиции, положив начало формированию историографического мифа о «многовековом» развитии отечественной этнографии. С легкой руки С. А. Токарева в отечественной историографии широко распространились поиски «истоков этнографии», «этнографических материалов и знаний» во времена, предшествующие не только оформлению этой дисциплины, но даже появлению самого термина «этнография», что выглядело недвусмысленной колонизацией прошлого (подробнее об этом см.: Соловей 2022: 40–70).

Справедливости ради необходимо отметить, что сам С. А. Токарев даже в разгар борьбы за «русское первенство» осмелился публично возражать «против стремления найти обязательно везде “приоритет” русской науки» (Из дневников 1995: 203)

и вообще вел себя в деликатной манере настоящего интеллигента и интеллектуала. Однако некоторые его коллеги отдали обильную дань господствующим культурным и идеологическим ветрам (*Косвен* 1952; *Косвен* 1955б; *Косвен* 1956а).

В дальнейшем Токарев развивал и совершенствовал свою историографическую концепцию, полновесно развернув ее в монументальной монографии «История русской этнографии» (1966). Ее краеугольным камнем стал тезис об окончательном выделении этнографии в самостоятельную науку в России в 40-х годах XIX в. Этот тезис был канонизирован советской историографией. Между тем, парадоксальным образом содержание книги Токарева ставит под сомнение вывод, который служит несущей опорой историографической концепции (подробнее об этом см.: *Соловей* 2004: 25–50; *Соловей* 2022: 71–102, 251–296).

Хотя некоторые тезисы и выводы этого капитального труда и историографической концепции Токарева в целом, представляются небесспорными и носят дискуссионный характер, это не отменяет того фундаментального факта, что компендиум публикаций ученого заложил концептуальную рамку осмысления и описания истории отечественной этнографии досоветского периода, в которую в дальнейшем вписывались новые источники и новые интерпретации, новые фрагменты историографической «мозаики», без угрозы разрушения целостной картины.

Историографический (наукovedческий) интерес представляет не только историографическая концепция истории русской этнографии С. А. Токарева, которая вошла в золотой фонд отечественной этнологической мысли и в отношении которой самоопределяются новые поколения ученых, но «интеллектуальная лаборатория» советского ученого, стесненного жесткими рамками плановости, скованного внешней (политико-идеологической) и внутренней (научного сообщества) цензурой, находящегося в условиях хронической академической и педагогической перегруженности. Сегодня трудно даже вообразить, как усилиями одного человека в ограниченные сроки создавались столь масштабные труды, как происходила библиографическая систематизация, каталогизация огромного числа историографических фактов в отсутствие компьютера, поисковых систем, электронных баз данных. Какой работоспособностью необходимо было обладать, чтобы обозначить «почти все направления своего исследовательского пути итоговыми монографиями крупного объема и широкого содержания» (*Алексеев* 1995: 29), сохранив при этом здоровый интерес к жизни, к общению, к молодежи.

Дневниковые записи С. А. Токарева позволяют отчасти реконструировать процесс работы над монографией «История русской этнографии», который не лишен некоторых небезынтересных коллизий. Важнейшая из коллизий — значительная временная дистанция, которая пролегает между завершением (в основном) текста рукописи в 1955 г. и ее публикацией в 1966 г. — требует объяснения.

Вот краткая хронология событий.

2 июня 1952 г. — «Предварительная наброска того, что мне предстоит делать... 8) взять на себя общее руководство работой по “Истории русской этнографии”, которая сейчас без хозяина» (Из дневников 1995: 212).

8 августа 1953 г. — заместитель директора Института этнографии М. Г. Левин «настойчиво советовал» форсировать работу над книгой, и «чтобы вырваться из прорыва», Токарев должен был написать до конца года 8 п. л.,

вместо запланированных 4,5 п. л., а в 1954 г. завершить «*вообще все*» (sic!) (Из дневников 1995: 215).

21 января 1954 г. — на заседании дирекции Института, где Токарев делал доклад о плане издания «Истории русской этнографии», «после оживленных споров и противоречивых предложений» было принято решение «издавать одновременно 2 книги: “Историю русской этнографии”, которую поручается написать мне (с дополнением по советскому периоду, которое напишет кто-то другой) — листов на 20, — и отдельно “Очерки по истории русской этнографии, фольклористики, антропологии” как не связанные между собой отдельные очерки (в основном уже написанные)» (Из дневников 1995: 216).

31 декабря 1954 г. — «Много работал над “Историей русской этнографии” и, хотя осталось еще много работы, но надеюсь в 1-м полугодии (1955 г. — Т. С.) закончить и сдать, может быть, напечатают в 1956 г.» (Из дневников 1995: 222).

31 декабря 1955 г. — «Закончил в основном большую работу “История русской этнографии”» (Из дневников 1995: 225).

31 декабря 1956 г. — «Почти ничего не успел сделать по “Истории русской этнографии” (хотел доработать в этом году, но очень мало сделал)» (Из дневников 1995: 229).

31 декабря 1957 г. — «“Историю русской этнографии” я пока так и не доделал, хотя немного дорабатывал. Хотелось бы в начале 58 г. закончить» (Из дневников 1995: 232).

31 декабря 1958 г. — «“История русской этнографии” пока лежит без движения, незаконченная» (Из дневников 1995: 236).

31 декабря 1959 г. — «“История русской этнографии” лежит недоделанная и без движения» (Из дневников 1995: 238).

31 декабря 1961 г. — «“История русской этнографии” (недоработанная)» (Из дневников 1995: 245–246).

31 декабря 1964 г. — «Итоги 1964 г. для меня в научном отношении весьма богатые <...> Я почти подготовил и скоро сдам в издательство “Историю русской этнографии” (додельваю главным образом 8-ю главу)» (Из дневников 1995: 258).

25 мая 1965 г. — «Ученый совет: утвердили к печати мою “Историю русской этнографии” (с трудом и еле-еле успели получить 2 нужные рецензии — от В. К. Соколовой и от Авг. Мих. Станиславской — И. И.); теперь надо быстро, к 1/VI подготовить рукопись к сдаче, а ее нужно порядочно доработать» (Из дневников 1995: 259).

14 декабря 1965 г. — «отдал свою 9-ю главу “Истории русской этнографии”, которая осталась свободной, в Историографическую комиссию Нечкиной — пусть посмотрит, подойдет ли им» (Из дневников 1995: 261).

31 декабря 1965 г. — «...сдал в издательство “Историю русской этнографии” (хотят выпустить в первом полугодии)... Написал почти заново о советском

периоде в истории русской этнографии (как последнюю главу в “Истории русской этнографии”), но изд-во решило ее не включать, теперь буду печатать где-то отдельно”» (Из дневников 1995: 262).

31 декабря 1966 г. — «Итоги 1966 г. для меня довольно осуществленные. Вышла в свет “История русской этнографии”». (Из дневников 1995: 267).

Таким образом выстраивается следующая картина. К 1952 г., когда ученый принял решение взять под крыло оставшуюся «бесхозной» историографию, им уже был создан определенный историографический задел: Токарев делил с Косвенем чтение лекционного курса историографии для студентов кафедры этнографии МГУ (с 1954 — читал этот курс самостоятельно); им были опубликованы несколько статей (*Токарев* 1945; *Токарев* 1946; *Токарев* 1948; *Токарев* 1951) и написана «История этнографии в России» для «Исторической науки» (3 п. л.) (Из дневников 1995: 212). Бесспорным представляется тот факт, что в первой половине 1950-х гг. монография входила в число первоочередных задач в планах Института этнографии, и Токарев всячески форсировал ее подготовку. За три неполных года (к концу 1955 г.) текст монографии был в основном написан. Поистине большевистские темпы! А затем начались странные «проволочки» — практически готовый научный продукт лежал без движения почти 9 лет. Лишь в 1964 г. ситуация сдвинулась с «мертвой точки», и подготовка монографии к публикации вступила в завершающую фазу. Причем, Токареву вновь пришлось действовать «стахановскими темпами». В 1966 г. монография увидела свет, хотя и в урезанном (без 9-й главы о советском периоде) формате (*Токарев* 1966).

Разумеется, есть соблазн объяснить перипетии с подготовкой и публикацией монографии обычными административно-бюрократическими проволочками и личностными коллизиями (нехватка времени и физиологических ресурсов в ситуации чрезвычайной многозадачности, добровольно-вынужденно возложенной на себя ученым). Но подобное объяснение грешило бы неполнотой, ведь с точки зрения интеллектуальной и публикаторской активности вторая половина 1950-х и начало 1960-х гг. были весьма плодотворными в жизни Токарева, а «История русской этнографии» оказалась «падчерицей» на фоне этих успехов.

Здесь мы вновь возвращаемся к необходимости учета внешних контекстуальных обстоятельств. Специфика историографического жанра в том, что он требует неспешных, длинных (и желательно, коллективных) усилий в тиши кабинета, библиотеки и архива. Но «История русской этнографии» создавалась ускоренными «большевистскими» темпами, и триггером, форсировавшим этот процесс, стал культурно-идеологический климат рубежа 1940–1950-х гг. Страна, одержавшая триумфальную победу, стремилась к национальному самоутверждению, героизации «Мы» и кодификации русского (советского) первенства. Историографическая мифология, утверждавшая первородство русской науки (этнографии), являлась неотъемлемой частью этого героического советского мифа. Это и вывело задачу создания «Истории русской этнографии» на первый план.

В постсталинскую эпоху страна от «бури и натиска» и революционного самоутверждения переходила к фазе «нормализации», где «норму» олицетворял Запад, соответственно культурно-идеологическое и пропагандистское обеспечение актуальной политики было скорректировано. Идеи идеологического, интеллектуального и морального превосходства русской науки демонстрировали в хрущевскую эпоху

уменьшающуюся компенсаторную способность, поэтому «История русской этнографии» — продукт эпохи борьбы с «космополитизмом» — утрачивала политическую актуальность. Политико-идеологическая деактуализация, в свою очередь, вела к деактуализации в профессиональном сообществе, поскольку в отличие от тех сегментов советской этнографии, которые были связаны с современностью, обладали экспертным потенциалом или находились в фокусе широкого общественного внимания, историография представляла интерес лишь для кучки специалистов.

Это ярко иллюстрируют злоключения прекрасной статьи Токарева, посвященной фундаментальному труду, И. Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» (Токарев 1958б). Несмотря на ярко выраженный патриотический пафос и глубину историографического анализа эту статью не приняли к публикации в «Советской этнографии» («самодурство» Толстова), в «Истории СССР», в «Вестнике истории мировой культуры» (Из дневников 1995: 230), и после долгих мытарств она была опубликована в 1958 г. в Вестнике Московского университета (вероятно, не последним обстоятельством стало то, что Токарев являлся заведующим кафедрой этнографии).

Симптоматично, что в 1958 г. меняется вектор историографических интересов С. А. Токарева: начинается работа над главами к будущей «Истории зарубежной этнографии», которая стояла в планах Исторического факультета МГУ (Из дневников 1995: 235–236). Разумеется, этот крен, в первую очередь был стимулирован внутринаучной потребностью: историю отечественной этнологической традиции необходимо было вписать в широкий международный контекст. Однако не обошлось без идеологической подпитки. При Н. С. Хрущеве соревнование СССР с Западом низводится с высоких эмпирей идеологического и морального превосходства, передовой науки и высокой культуры на «низменную» почву объемов и качества потребления. Запад как политический и идеологический конкурент, как угроза «первому в мире государству рабочих и крестьян», в 1960-х гг. превращается в потребительский образец и модель повседневности. Государственная стратегия негативизации Запада при одновременном признании его первенства (ведь «догнать и перегнать» можно лишь находящегося впереди), чем дальше, тем больше приводила к противоположным результатам. Включался механизм психологической инверсии и в подсознании советского человека знак Запада менялся с отрицательного на положительный.

В интеллектуальном дискурсе был представлен широкий спектр образов и измерений Запада и западной науки: от апологетики западной этнологии как источника передовых идей и методик в первой трети XX в., через негативизацию и тотальное отрицание «буржуазной прислужницы империализма» в 1930–1950-х гг., до имплицитного признания западной этнологии в качестве системы соотнесения (отрицательной и положительной одновременно) в постсталинскую эпоху. В любом случае, и в любом контексте, западная этнологическая традиция подлежала изучению.

Сложнее всего выглядела ситуация с историографическим осмыслением прошлого и настоящего западной («буржуазной») этнологии в позднесталинском СССР. Идеологический железный занавес, доктринальные ограничения предполагали только критику и разоблачение «классово чуждой» западной этнологии, обслуживавшей империалистические колониальные практики (этнология — «прислужница империализма»). (Но даже критика предполагала знакомство с критикуемыми этнологами и их идеями). Исключение делалось для тех представителей «буржуазной» этнологии

и для тех концептуализаций, которые были замечены К. Марксом и Ф. Энгельсом и тем самым получили идеологическую санкцию «правильного» научного знания.

Так, концепция первобытности Л. Г. Моргана (далеко не самая удачная) получила такую санкцию благодаря канонизированной в советский период работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которая, в свою очередь, во многом основывалась на этой концепции. Интерес Маркса и Энгельса к моргановской схеме был вызван тем, что, она «обнаруживала» в прошлом человечества «коммунистические» элементы в виде отсутствия моногамной семьи и института частной собственности.

Еще одной фигурой, канонизированной в области изучения и концептуализации первобытности, являлся И. Я. Бахофен и его гипотеза о приоритете материнского счета родства и материнском праве. Поскольку точка зрения Бахофена получила одобрение Ф. Энгельса, то в контексте советской этнографии это придавало ей статус марксистского, то есть окончательного и непогрешимого знания.

У моргановско-бахофенской схемы имелись такие влиятельные сторонники как С. П. Толстов и М. О. Косвен, причем у последнего интерес к теоретическим взглядам этих ученых возник еще в начале 1930-х гг. (*Косвен 1932; Косвен 1933*), в послевоенный период он развивался и углублялся (*Косвен 1946а; Косвен 1946б, Косвен 1946в*). В 1940-х гг. именно концепция Бахофена составила теоретический фундамент докторской диссертации и обобщающей монографии М. О. Косвена «Матриархат. История проблемы», вышедшей в 1948 г.

В первое послевоенное десятилетие изучение проблем западной историографии концентрировалось на университетской кафедре этнографии. Следует иметь в виду то обстоятельство, что отцы-основатели кафедры (С. П. Толстов и С. А. Токарев) и другие представители первого (старшего) поколения сотрудников кафедры, чье профессиональное становление пришлось на предвоенный период, — профессора М. О. Косвен, Н. Н. Чебоксаров, В. И. Чичеров, доцент Е. М. Шиллинг, старший преподаватель Б. И. Шаревская — впитали атмосферу теоретико-методологического плюрализма 1920-х гг. («золотого века» отечественной этнографии). Их профессиональная «родословная» восходила к лучшим образцам университетской/академической традиции. Последняя предполагала серьезную историографическую проработку как обязательное условие научного исследования, знание европейских языков, а также безусловное знакомство с западной литературой. Таким образом, западная этнологическая традиция незримо, подспудно, в виде ментального фона, присутствовала в исследовательской и преподавательской деятельности всех сотрудников кафедры. Кроме того, историография была неотъемлемым элементом структуры учебной подготовки на кафедре.

Б. И. Шаревская работала преподавателем кафедры в 1939–1954 гг. и делила свои научные интересы между этнографией Америки и Африки, а перейдя во второй половине 1950-х годов в Институт Африки АН СССР, сделала окончательный выбор в пользу Африки. Совместно с С. А. Токаревым она читала студентам кафедры «Историю первобытной культуры»; важной частью этого курса была глубокая историографическая проработка, основывавшаяся преимущественно на западной этнологической литературе. Это знание Шаревская демонстрировала в своих публикациях (*Шаревская 1948; Шаревская 1953а, Шаревская 1953б; Шаревская, Покровская 1956; Шаревская 1959; Шаревская 1962*). Другое дело, что структура момента диктовала специфическую то-

нальность указанных публикаций: огульная критика западных концепций имела мало общего с академической традицией рационального анализа, а язык «науки» был серьезно тематизирован идеологическими и пропагандистскими штампами.

В том же духе были выдержаны публикации В. И. Чичерова, лингвиста, фольклориста, автора работ по теории фольклора, русскому эпосу и историческим песням, который пришел на кафедру этнографии в конце 1940-х годов, а с 1952 г. заведовал кафедрой фольклора филологического факультета. Вот характерное название его статьи, написанной совместно с филологом Н. М. Элиаш «Лорд Раглан — теоретик реакционной фольклористики» (Чичеров, Элиаш 1949).

В 1948 г. раскручивалась пружина борьбы с «космополитизмом», все «западное», «буржуазное» было принято нещадно критиковать, но даже в той невыносимой атмосфере модели поведения могли быть различными. С. А. Токарев пытался держаться принципа научной объективности и выступал как сторонник взвешенного, а не нигилистического подхода к различным течениям западной этнологии. Вот характерная запись из его дневника от 14 февраля 1948 г.: «На истфаке заседание кафедры этнографии, доклад Б. И. Шаревской о Леви-Брюле (ругала, как полагается, на все корки, а другие — Косвен, Чичеров, Толстов — еще подсыпали; мне это совсем не нравится, я пытался поставить вопрос на более серьезную основу...») (Из дневников 1995: 204).

Справедливости ради необходимо отметить, что «другие», например, С. П. Толстов (с его «небезупречной» биографией), усматривали в подчеркнутой лояльности и идеологической активности способ «искупить» некоторые факты биографии. Впрочем, у каждого актора той драматической эпохи имелся шлейф сложных, порой трагических, биографических обстоятельств. Например, отца и брата Н. Н. Чебоксарова репрессировали в 1937 г. (отец был расстрелян), самого Николая Николаевича спасло от ареста длительное пребывание в отдаленных районах на Севере, где он как антрополог собирал материалы по коми и местным русским. Пережитое превратилось в глубокую травму, которая, похоже, так и не была преодолена или проработана (подробнее об этом см.: Решетов 2004: 368, 370).

После смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС началось расшатывание жесткой методологической рамки, в которую была загнана наука. Происходило постепенное расширение и обогащение методологического и концептуального арсенала советской этнографии. Но в первую очередь началась очистка науки от «завалов», фактически парализовавших ее развитие. Под ударом оказалась канонизированная благодаря Ф. Энгельсу моргановско-бахофеновская концептуализация первобытности (подробнее см.: Семенов 2003). Дезавуированы (причем усилиями Иосифа Сталина) были идеи Н. Я. Марра, которые прочной «паутиной» оплели этнолингвистические и этногенетические штудии.

В теоретический оборот вводился ряд подходов, расширявших возможности научной концептуализации и способствовавших появлению более гибких и изоциренных теоретических схем. В публиковавшихся с 1957 г. под общей редакцией С. П. Толстова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова академических «Очерках общей этнографии» был представлен спектр основных западных этнологических теорий конца XIX — первой половины XX в. — от классического эволюционизма до функционализма и школы Франца Боаса, что было фактическим приглашением к их использованию советскими этнографами. Хотя они расценивались как неполноценные в сравнении с основанной на марксизме «советской этнологической теорией» и под-

вергались критике, фактически произошла их официальная научная реабилитация. По существу, это был теоретико-историографический экскурс в историю западной этнологии. Он представлял особую ценность для молодых этнографов — студентов-старшекурсников, аспирантов и стажеров, имевших довольно смутное представление о западной науке.

Постепенно приоткрывался «железный занавес». В середине 1950-гг. после многолетнего перерыва возобновились контакты советских этнографов с западными коллегами, и интенсивность этих связей постоянно возрастала. В 1956–1958 гг. С. П. Толстов выступал с циклом лекций, посвященных памятникам Древнего Хорезма, в Лондонском, Кембриджском, Оксфордском университетах, в музее Гимэ в Париже, в Итальянском институте Среднего и Дальнего Востока в Риме (*Рапопорт, Семенов* 2004: 206). С. А. Токарев в 1951–1952 гг. читал лекции в университетах Берлина и Лейпцига, в сентябре-декабре 1964 г. совершил экспедиционную поездку во Францию (*Козлов* 2004: 442).

Первые подходы к работе над Историей зарубежной этнологии были сделаны С. А. Токаревым в конце 1950-х гг. (*Токарев* 1958в), что выглядело логичным продолжением и развитием историографической концепции истории русской этнографии. Осмыслить историю становления и развития отечественной этнографии, а также выявить и концептуализировать ее национальную специфику было возможно только в контексте западной этнологии, опираясь на знание и понимание логики развития последней. При этом история западной этнологии оказывалась одновременно положительной и отрицательной системой соотнесения. Положительной, имея в виду опережающие темпы ее становления и развития, из чего вытекало стремление историографа «подтянуть» оформление русской этнографии как самостоятельной дисциплины к 30–40-м годам XIX в., то есть хронологически синхронизировать со становлением западной этнологии. Отрицательной как способ через негативизацию западной этнологии («прислужницы колониализма и империализма») создать позитивный образ российской этнографии (гуманистической и прогрессивной).

Однако работа над текстами фундаментальных монографий по истории западной этнологии — «Истоки этнографической науки (до середины XIX в.)» и «История зарубежной этнографии» — интенсифицировалась лишь во второй половине 1960-х гг. Во-первых, к этому времени был завершён первый этап историографического мегапроекта — вышла в свет «История русской этнографии». Во-вторых, изменился контекст, и Токарев остро ощущал это изменение: «В политической жизни заметное потепление, “либерализм”» (Из дневников 1995: 267).

Происходило постепенное расширение и обогащение методологического и концептуального арсенала советской этнографии. Хотя непосредственные и открытые заимствования из западной теоретической мысли по-прежнему были табуированы, освоение западных концептуальных подходов происходило в форме их декоративной «марксизации», латентной интеграции с марксизмом или посредством так называемой «критики буржуазной историографии». В целом «советская этнология была осведомлена об основных концептуальных разработках, имевших место среди зарубежных специалистов по этнической проблематике, и той операционной технологии, которая такие разработки обеспечивает» (*Заринов* 2003: 33).

Разумеется, «потепление» брежневской эпохи носило весьма условный характер, в частности принесло еще более строгие, чем в хрущевское время, ограничения на

контакты с иностранцами. Токарев 22 мая 1969 г. делает такую запись в дневнике: «Нам сообщили о строгих правилах ответов на анкеты из-за рубежа (только через дирекцию), да и вообще напомнили, что самостоятельно мы можем только поздравлять с праздником и благодарить за книги!!!» (Из дневников 1995: 275).

Все же брежневское время в целом было несравненно более гуманным, чем предшествующее хрущевское и, тем более сталинское, и почти нормальным с точки зрения морально-психологической. Симптомы морального раскрепощения явно демонстрируют дневники Токарева. Запись от 17 марта 1967 г.: «5-я (16-я) лекция по историографии (психологическое направление в США); удачно; вообще в этом году курс историографии идет у меня хорошо: во-первых, он стал годовым, и я не комкаю; во-вторых, лучше готовлюсь; в-третьих, прямее, смелее и справедливее даю оценки зарубежным школам, решительно отказавшись от обычной у нас ругани)...» (Из дневников 1995: 268).

«История зарубежной этнографии» в 1958–1967 гг. стояла в научном плане исторического факультета МГУ, но в 1967 г. начинаются переговоры о переносе работы над «Историей зарубежной этнографии» из плана исторического факультета МГУ в план Института этнографии (Из дневников 1995: 268). По итогам переговоров было принято компромиссное решение: часть тем стояла в планах исторического факультета, а часть — числилась в планах Института этнографии (Из дневников 1995: 281).

Подводя итоги 1967 г. и оценивая масштаб уже сделанного в рамках проекта «История зарубежной этнографии», Токарев полагал, что «осталось года на 3» (Из дневников 1995: 271). Оценка оказалась избыточно оптимистичной: текст монографии, над которым Токарев работал с 1958 г. почти 15 (!) лет, был завершен «вчерне» и сдан на отзывы и обсуждение в 1972 г. (Из дневников 1995: 285), а 25 декабря 1973 г. на Ученом совете Института этнографии утвержден к печати (Из дневников 1995: 287).

Самое сложное было впереди. В ходе обсуждения монографии были сделаны «существенные» замечания, в том числе «усилить “марксистскую” критику разных авторов» (Из дневников 1995: 287), то есть предстояла «шлифовка» текста. Издательство «Высшая школа» «приняло» к печати «Историю зарубежной этнографии», но «не окончательно» (эвфемизм советской эпохи), поскольку предстояло утверждение текста на уровне заместителя министра.

Когда эта инстанция была пройдена, возникла новая коллизия: текст книги пришлось разделить на 2 части — до-научный период (первые 5 глав, около 10 п. л.) и основную часть (главы 6–18, около 20 п. л.), и публиковать в разных издательствах — «Наука» и «Высшая школа». Токарев был раздосадован, но справедливо полагал, что «это наименьшее зло...» (Из дневников 1995: 291). В 1978 г. обе монографии увидели свет (Токарев 1978а; Токарев 1978б).

В «Истоках этнографической науки» Токарев исследовал предысторию этнографии, рассматривая ее через призму «этносо» (метанарратива советской этнографии) как процесс накопления, расширения, осмысления знаний о народах-этносох. В подобной оптике человечество представляло как совокупность множества народов, взаимодействующих между собой, многообразно влияющих друг на друга. Изложение доводилось до середины XIX в.: в 30–40-е годы XIX в. началось становление этнологии как самостоятельной науки, а в последующие десятилетия (1850–1870-е гг.) оформились теоретические принципы, идеи и методы этой науки.

«История зарубежной этнографии» была посвящена характеристике исторической динамики этнологической науки с середины XIX в. до 70-х годов XX в., основных школ, направлений и деятелей западной этнологии. Свое исследовательское кредо С. А. Токарев формулировал как «исторический подход» или принцип историзма. В исследовании различных течений западной этнологии Токарев решал задачу «критики буржуазной историографии» в деликатной манере русского интеллигента, носителя академической традиции. Он демонстрировал образцы серьезного критического разбора, а не огульной критики. Основываясь на глубоком знании истории западных идей, Токарев демонстрировал их эвристический потенциал, что делает его монографию актуальной в любом историко-культурном и идеологическом контексте.

Линия на изучение истории науки была продолжена благодаря Токареву и после Токарева.

Парадокс поздней советской действительности состоял в том, что исследование истории западной этнологической мысли, ее теоретико-методологического арсенала, пусть в критическом аспекте («критика буржуазной историографии» и/или ее «марксизация»), не встречало никаких сложностей. Тогда как углубления и развития историографической концепции истории отечественной этнографии за счет включения в нее советского периода почти не происходило (Токарев 1971). Если не считать таковыми (углублением и развитием. — Т. С.) библиографические обзоры, очерки институциональной истории (Токарев 1974) и публикации в жанре *In memoria*. Почему?

Потому что историографический анализ советского периода в истории этнологии предполагал в качестве обязательного условия *самоопределение* в отношении недавнего прошлого и наличной действительности. Идеологические и ценностные аномалии и зигзаги многострадальной науки, шарахавшейся от «золотого века» 1920-х до полного поражения в правах начала 1930-х, а также ее своеобразный «перезапуск» в усеченной версии как науки о первобытности и «пережитках» в экстремальном позднесталинском СССР, трудно было интерпретировать (даже путем насилия над фактами) как устойчивое, непрерывное, поступательное развитие и улучшение традиции. Адекватная и честная оценка была невозможна в силу доктринальных ограничений и идеологических презумпций. А для историографической оценки поздней советской эпохи (эпохи нормализации и патернализма) не сложилась соответствующая наблюдательная временная дистанция.

На исходе существования СССР наиболее перспективные линии историографического поиска были обозначены трудами Г. Е. Маркова в области изучения немецкой этнологии (Марков 1979; Марков 1990; Марков 1992; Марков 1993) и А. А. Никишенкова в области изучения английского структурно-функционального направления (Никишенков 1981; Никишенков 1982; Никишенков 1983; Никишенков 1986; Никишенков 1993). В разработке этих историографических линий именно университетской кафедре этнографии принадлежал бесспорный приоритет. Впрочем, развитие историографических разысканий на кафедре этнографии (этнологии) МГУ в последней четверти XX и начале XXI в. — это предмет отдельного и весьма обстоятельного разговора.

Подытоживая. Историография в инструментальном смысле, как своеобразный «пролог» к научным разысканиям и демонстрация интеллектуальной осведомленности в той или иной научной проблеме — неотъемлемое условие качественного исследования и норматив для ученого, получившего добротную академическую выучку.

Историография как профессиональное занятие, это особый стиль мышления, служащий нам напоминанием о мифологических и трансцендентных истоках науки. Этот интеллектуальный стиль фокусируется не на частном, а на общем, пытается охватить широкий исторический горизонт, установить «связь времен», обозначить линии преемственности и точки бифуркации, уловить некие закономерности и логику развития науки. И, разумеется, этот стиль не свободен от обаяния прогноза, предсказания вектора и перспектив дисциплины.

Подобный историософский стиль в историографии не противостоит ее нормативистскому канону — кропотливой систематизации и каталогизации историографических фактов — но дополняет его. Эти стили неразрывно связаны в институте науки. А склонность к тому или иному стилю в историографии (да и в науке в целом) — это проекция структуры личности ученого, его пристрастий, его социального темперамента. Токарев сочетал обе ипостаси историографического поиска — историософскую рефлексивную и упорядоченное энциклопедическое знание исторической ткани этнологической науки. Но все же сильной стороной его интеллектуального стиля являлась каталогизация и систематизация фактического материала.

От историка науки кроме интеллектуальной добросовестности (интеллектуальной добродетели, по Аристотелю), состоящей в стремлении к истине вопреки конъюнктуре, требуется мужество публичного разума, то есть готовность говорить вопреки мнению сильных, властных или попросту громко кричащих. С. А. Токарев — человек интеллигентный и толерантный — не имел задатков яркого трибуна, не был бунтарем или фрондером, а свой гражданский долг видел в служении науке. Темпераментный С. П. Толстов в сердцах характеризовал подобную человеческую и научную стратегию Токарева как «аполитизм» и «объективизм» (Из дневников 1995: 213). Справедливой представляется следующая оценка: «Сергей Александрович не участвовал в каких-либо общественных движениях, но ради науки был способен на смелые по тем временам поступки» (Маркова 1995: 45).

Источники и материалы

Из дневников 1995 — Из дневников С. А. Токарева // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 159–304.

Научная литература

Алексеев В. П. С. А. Токарев: личность в науке // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 24–30.

Заринов И. Ю. Исследование феноменов «этнуса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / Отв. ред. С. Я. Козлов. М.: Наука, 2003. С. 18–36.

Козлов С. Я. Сергей Александрович Токарев: «этнографический университет» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Сост. Д. Д. Тумаркин; отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 397–449.

Козлова К. И., Чебоксаров Н. Н. Этнография в Московском университете // Советская этнография. 1955. № 2. С. 100–111.

Косвен М. О. Л. Г. Морган (1818–1881). Биография // Советская этнография. 1932. № 1. С. 9–43.

- Косвен М. О.* Бахофен // Советская этнография. 1933. № 1. С. 98–140.
- Косвен М. О.* Из истории проблемы матриархата // Советская этнография. 1946а. № 1. С. 31–58.
- Косвен М. О.* Из переписки Бахофена с Морганом // Советская этнография. 1946б. № 1. С. 210–212.
- Косвен М. О.* И. Я. Бахофен и русская наука // Советская этнография. 1946в. № 3. С. 8–36.
- Косвен М. О.* Матриархат. История проблемы / Отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 329 с.
- Косвен М. О.* М. М. Ковалевский как этнограф Кавказа. К 100-летию со дня рождения (1851–1951) // Советская этнография. 1951. № 4. С. 116–135.
- Косвен М. О.* Из истории ранней русской этнографии (XII–XVI вв.) // Советская этнография. 1952. № 4. С. 128–141.
- Косвен М. О.* 100-летний юбилей русской этнографической прессы // Советская этнография. 1953. № 4. С. 56–69.
- Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. I. М.: Издательство АН СССР, 1955а. С. 265–374.
- Косвен М. О.* Материалы к истории русской этнографии XVII века // Советская этнография. 1955б. № 1. С. 126–150.
- Косвен М. О.* Г. Ф. Миллер: к 125-летию со дня рождения // Советская этнография. 1956а. № 1. С. 72–76.
- Косвен М. О.* Материалы к истории ранней русской этнографии (XII–XVII вв.) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. I. / Отв. ред. В. К. Соколова. М.: Издательство АН СССР, 1956б. С. 30–70.
- Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. II. М.: Издательство АН СССР, 1958. С. 139–274.
- Косвен М. О.* Этнографические результаты Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. // Сибирский этнографический сборник. Вып. III / Отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. С. 167–212.
- Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. III. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 158–288.
- Марков Г. Е.* Развитие современной германской буржуазной этнологии // Этнография за рубежом. Историографические очерки / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1979. С. 149–168.
- Марков Г. Е.* Из истории немецкого народоведения // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1990. № 2. С. 32–43.
- Марков Г. Е.* Немецкое народоведение от начала XX в. до 1933 г. // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 66–77.
- Марков Г. Е.* Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. I. Немецкая этнология. М.: ИЭА РАН, 1993. 391 с.; Ч. II. Немецкое народоведение. М.: ИЭА РАН, 1993. 136 с.
- Маркова Л. В.* Сергей Александрович Токарев: человек, ученый, педагог // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред. С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 41–57.
- Миськова Е. В.* А. А. Никишенков. «Двусмысленность нашего ремесла». Грани отечественной историографии в этнологии // А. А. Никишенков. «Изобретая традицию» и создавая «воображаемое сообщество». Сборник статей памяти А. А. Никишенкова / Сост. Е. В. Миськова, А. В. Титорский. М.: Издательство «Новый хронограф», 2017. С. 37–57.
- Никишенков А. А.* Функционализм Б. Малиновского и проблема изучения родства, брака и семьи в доклассовом обществе. (К вопросу о соотношении теории, методологии и конкретной проблематики этнографии в британском функционализме) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1981. № 5. С. 57–69.
- Никишенков А. А.* Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20–40-е гг. XX века) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 55–66.

- Никишенков А. А.* Метод структурного анализа А. Р. Рэдклифф-Брауна и проблема изучения отношений родства в доклассовых обществах // Пути развития зарубежной этнологии: Сборник статей / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1983. С. 5–24.
- Никишенков А. А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 213 с.
- Никишенков А. А.* О Брониславе Малиновском и его работах // Этнографическое обозрение. 1993. № 6. С. 99–103.
- Рапопорт Ю. А., Семенов Ю. И.* Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Сост. Д. Д. Тумаркин; Отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 184–232.
- Решетов А. М.* Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. / Сост. Д. Д. Тумаркин; Отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М.: Наука, 2004. С. 358–396.
- Семенов Ю. И.* О моем «пути в первобытность» // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология / отв. ред. С. Я. Козлов. 1960–1990-е годы. М.: Наука, 2003. С. 164–211.
- Соловей Т. Д.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI в.). М.: Прометей, 2004. 498 с.
- Соловей Т. Д.* История российской этнологии в очерках. XVIII — начало XXI в. М.: Этносфера, 2022. 612 с.
- Токарев С. А.* Этнография в Академии наук (1745–1945) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. II. 1945. № 3. С. 191–200.
- Токарев С. А.* Энгельс и современная этнография // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. III. 1946. С. 17–30.
- Токарев С. А.* Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку // Советская этнография. 1948. № 2. С. 184–207.
- Токарев С. А.* Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии: Проблема периодизации // Советская этнография. 1951. № 2. С. 160–178.
- Токарев С. А.* Первая сводная этнографическая работа о народах России (из истории русской этнографии XVIII в.) // Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия. 1958б. № 4. С. 113–128.
- Токарев С. А.* Венская школа этнографии // Вестник истории мировой культуры. 1958в. № 3. С. 182–192.
- Токарев С. А.* История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М.: Наука, 1966. 453 с.
- Токарев С. А.* Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 — середина 1930-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М.: Издательство АН СССР, 1971. С. 111–120.
- Токарев С. А.* Из истории этнографических исследований в Академии наук // Советская этнография. 1974. № 2. С. 11–19.
- Токарев С. А.* Истоки этнографической науки. (До середины XIX в.). М.: Наука, 1978а. 164 с.
- Токарев С. А.* История зарубежной этнографии: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1978б. 352 с.
- Толстов С. П.* Этнография и современность // Советская этнография. 1946. № 1. С. 3–11.
- Толстов С. П.* Советская школа в этнографии // Советская этнография. 1947. № 4. С. 8–28.
- Толстов С. П.* Основные задачи и пути развития советской этнографии // Краткие сообщения Института этнографии (далее КСИЭ). 1950. Вып. 12. С. 5–14.
- Толстов С. П.* Итоги и перспективы развития этнографической науки в СССР // Советская этнография. 1956. № 3. С. 5–13.
- Толстов С. П.* 40 лет советской этнографии // Советская этнография. 1957. № 5. С. 31–55.
- Толстов С. П.* Основные теоретические проблемы современной советской этнографии // Советская этнография. 1960. № 6. С. 10–23.
- Чебоксаров Н. Н.* Этническая антропология Германии. (Краткий исторический очерк) // КСИЭ. 1946. Вып. 1. С. 55–62.

- Чебоксаров Н. Н. Кафедра этнографии исторического факультета Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова // Советская этнография. 1947. № 1. С. 198–201.
- Чебоксаров Н. Н. Основные этапы развития этнографии в Китае // Советская этнография. 1959. № 6. С. 123–149.
- Чичеров В. И., Элиаш Н. М. Лорд Раглан — теоретик реакционной фольклористики // Советская этнография. 1949. № 3. С. 216–217.
- Шаревская Б. И. Апология расизма в американской этнографии. (Школа «изучения современных общин») // Советская этнография. 1948. № 2. С. 246–248.
- Шаревская Б. И. Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии // Советская этнография. 1953а. № 3. С. 9–26.
- Шаревская Б. И. Этнография Франции в период первой мировой войны и в послевоенные годы // Советская этнография. 1953б. № 3. С. 208–214.
- Шаревская Б. И., Покровская Л. Влияние современной реакционной американской социологии на этнографию Франции // Советская этнография. 1956. № 1. С. 140–145.
- Шаревская Б. И. «Этнология» и теология (О журнале и институте “Anthropos”) // Советская этнография. 1959. № 6. С. 188–201.
- Шаревская Б. И. «Этнографический метод» Марселя Гриоля и вопросы методологии в современной французской этнографии // Советская этнография. 1962. № 6. С. 43–54.

References

- Alekseev, V. P. 1988. S. A. Tokarev: lichnost' v nauke. [S. A. Tokarev: Personality in Science]. In *Blagodarim sud'bu za vstrechu s nim. (O Sergee Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke)* [We Thank the Fortune for Meeting Him (About Sergey Aleksandrovich Tokarev — the scientist and the man)], ed. by S. Ya. Kozlov and P. I. Puchkov. Moscow: IEA RAN. 24–30.
- Cheboksarov, N. N. 1946. Etnicheskaia antropologiya Germanii. (Kratkii istoricheskii ocherk) [Ethnic Anthropology of Germany (A Brief Historical Sketch)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii* 1: 55–62.
- Cheboksarov, N. N. 1947. Kafedra etnografii istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo ordena Lenina gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova [Department of Ethnography of the Historical Faculty of the Moscow Order of Lenin State University named after M. V. Lomonosov]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 98–201.
- Cheboksarov, N. N. 1959. Osnovnye etapy razvitiia etnografii v Kitae [The Main Stages of the Development of Ethnography in China]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 123–149.
- Chicherov, V. I. and N. M. Eliash. 1949. Lord Raglan — teoretik reaktsionnoi fol'kloristiki [Lord Raglan — a Theorist of Reactionary Folklore Studies]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 216–217.
- Kosven, M. O. 1932. L. G. Morgan (1818–1881). Biografiia [L. G. Morgan (1818–1881). Biography]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 9–43.
- Kosven, M. O. 1933. Bakhofen [Bakhofen]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 98–140.
- Kosven, M. O. 1946a. Iz istorii problemy matriarkhata [From the History of the Matriarchy Problem]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 31–58.
- Kosven, M. O. 1946b. Iz perepiski Bakhofena s Morganom [From Bachofen's Correspondence with Morgan]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 210–212.
- Kosven, M. O. 1946c. I. Ya. Bakhofen i russkaia nauka [I. Ya. Bachofen and Russian Science]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 8–36.
- Kosven, M. O. 1948. *Matriarkhat. Istoriia problemy*, [The Matriarchy. The History of the Problem], ed. by S. P. Tolstov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 329 p.
- Kosven, M. O. 1951. M. M. Kovalevskii kak etnograf Kavkaza. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia (1851–1951) [M. M. Kovalevsky as an Ethnographer of the Caucasus. On the 100th Anniversary (1851–1951)]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 116–135.

- Kosven, M. O. 1952. Iz istorii rannei russkoi etnografii (XII–XVI vv.) [From the History of Early Russian Ethnography (12th–16th centuries)]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 128–141.
- Kosven, M. O. 1953. 100-letniy yubilei russkoi etnograficheskoi pressy [100th Anniversary of the Russian Ethnographic Press]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 56–69.
- Kosven, M. O. 1955a. Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniia Kavkaza v russkoi nauke [Materials on the History of Ethnographic Study of the Caucasus in Russian Science]. In *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection], ed. by M. O. Kosven. Vol. I. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 265–374.
- Kosven, M. O. 1955b. Materialy k istorii russkoi etnografii XVII veka [Materials for the History of Russian Ethnography of the 17th Century]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 126–150.
- Kosven, M. O. 1956a. G. F. Miller: k 125-letiiu so dnia rozhdeniia [G. F. Miller: on the 125th Anniversary of His Birth]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 72–76.
- Kosven, M. O. 1956b. Materialy k istorii rannei russkoi etnografii (XII–XVII vv.) [Materials on the History of Early Russian Ethnography (12th–17th centuries)]. In *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore Studies and Anthropology], ed. by V. K. Sokolova. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 30–70.
- Kosven, M. O. 1958. Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniia Kavkaza v russkoi nauke [Materials on the History of Ethnographic Study of the Caucasus in Russian Science]. In *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection], ed. by M. O. Kosven. Vol. II. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 139–274.
- Kosven, M. O. 1961. Etnograficheskie rezul'taty Velikoi Severnoi ekspeditsii 1733–1743 gg. [Ethnographic Results of the Great Northern Expedition of 1733–1743] In *Sibirskii etnograficheskii sbornik* [Siberian Ethnographic Collection], ed. by L. P. Potapov. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 167–212.
- Kosven, M. O. 1962. Materialy po istorii etnograficheskogo izucheniia Kavkaza v russkoi nauke [Materials on the History of Ethnographic Study of the Caucasus in Russian Science]. In *Kavkazskii etnograficheskii sbornik* [Caucasian Ethnographic Collection], ed. by L. I. Lavrov. Vol. III. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 158–288.
- Kozlov, S. Ya. 2004. Sergei Aleksandrovich Tokarev: “etnograficheskii universitet” [Sergey Aleksandrovich Tokarev: “Ethnographic University”]. In *Vydaiushchiesia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [The Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century], ed. by D. D. Tumarkin and V. A. Tishkov. Moscow: Nauka. 397–449.
- Kozlova, K. I. and N. N. Cheboksarov. 1955. Etnografiia v Moskovskom universitete [Ethnography at Moscow University]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 100–111.
- Markov, G. E. 1979. Razvitie sovremennoi germanskoi burzhuaznoi etnologii [The Development of Modern German Bourgeois Ethnology]. In *Etnografiia za rubezhom. Istoriograficheskie ocherki* [Ethnography Abroad. Historiographical Sketches], ed. by Yu. V. Bromlei. Moscow: Nauka. 149–168.
- Markov, G. E. 1990. Iz istorii nemetskogo narodovedeniia [From the History of German Ethnology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriiia* 2: 32–43.
- Markov, G. E. 1992. Nemetskoe narodovedenie ot nachala XX v. do 1933 g. [German Ethnology from the Beginning of the 20th century to 1933]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 66–77.
- Markov, G. E. 1993. *Ocherki istorii nemetskoj nauki o narodakh. Ch. I. Nemetskaia etnologiiia* [Essays on the History of German Science about Peoples. Pt. I. German Ethnology]. Moscow: IEA RAN. 391 p.; *Ch. II. Nemetskoe narodovedenie* [Pt. II. German Folk Studies]. Moscow: IEA RAN. 136 p.
- Markova, L. V. 1995. Sergei Aleksandrovich Tokarev: chelovek, uchenyi, pedagog [Sergey Aleksandrovich Tokarev: a Man, a Scientist, a Teacher]. In *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim (O Sergee Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke)* [We Thank the Fortune for Meeting Him (About Sergey Aleksandrovich Tokarev — the scientist and the man)], ed. by S. Ya. Kozlov and P. I. Puchkov. 41–57.
- Miskova, E. V. 2017. A. A. Nikishenkov. “Dvusmyslennost' nashego remesla”. Grani otechestvennoi istoriografii v etnologii [A. A. Nikishenkov. “The Ambiguity of our Craft”. Facets of Russian Histo-

- riography in Ethnology]. In A. A. Nikishenkov. "Izobretaiia traditsiui" i sozdavaia "voobrazhaemoe soobshchestvo". *Sbornik statei pamiati A. A. Nikishenkova* [A. A. Nikishenkov. 'Inventing Tradition' and Creating an "Imagined Community". Collection of Articles in Memory of A. A. Nikishenkov], ed. by E. V. Miskova and A. V. Tutorskii. Moscow: Izdatel'stvo Novyi khronograf. 37–57.
- Nikishenkov, A. A. 1981. Funktsionalizm B. Malinovskogo i problema izucheniia rodstva, braka i sem'i v doklassovom obshchestve. (K voprosu o sootnoshenii teorii, metodologii i konkretnoi problematiki etnografii v britanskom funktsionalizme) [B. Malinovsky's Functionalism and the Problem of Studying Kinship, Marriage and Family in a Pre-Class Society (On the Question of the Correlation of Theory, Methodology and Specific Issues of Ethnography in British Functionalism)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 8. Istorii 5*: 57–69.
- Nikishenkov, A. A. 1982. Nauchnye shkoly v period stanovleniia sovremennoi britanskoi sotsial'noi antropologii (20–40-e gg. XX veka) [Scientific Schools During the Formation of Modern British Social Anthropology (20–40s of the 20th Century)]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 55–66.
- Nikishenkov, A. A. 1983. Metod strukturnogo analiza A. R. Radkliff-Brauna i problema izucheniia otnoshenii rodstva v doklassovykh obshchestvakh [A. R. Radcliffe-Brown's Method of Structural Analysis and the Problem of Studying Gender Relations in Doctoral Societies]. In *Puti razvitiia zarubezhnoi etnologii: Sbornik statei* [Paths of Development of Foreign Ethnology: Collection of Articles], ed. by Yu. V. Bromlei. Moscow: Nauka. 5–24.
- Nikishenkov, A. A. 1986. *Iz istorii angliiskoi etnografii. Kritika funktsionalizma* [From the History of English Ethnography. Criticism of Functionalism]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 213 p.
- Nikishenkov, A. A. 1993. O Bronislave Malinovskom i ego rabotakh [About Bronislaw Malinowski and his Works]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 99–103.
- Rapoport, Yu. A. and Semenov, Yu. I. 2004. Sergei Pavlovich Tolstov: vydaiushchisia etnograf, arheolog, organizator nauki [Sergey Pavlovich Tolstov: an Outstanding Ethnographer, Archaeologist, Organizer of Science]. In *Vydaiushchisia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [The Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century], ed. by V. A. Tishkov, D. D. Tumarkin. Moscow: Nauka. 184–232.
- Reshetov, A. M. 2004. Nikolai Nikolaevich Cheboksarov: portret uchenogo v kontekste ego vremeni [Nikolay Nikolaevich Cheboksary: Portrait of a Scientist in the Context of His Time]. In *Vydaiushchisia otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [The Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century], ed. by V. A. Tishkov, D. D. Tumarkin. Moscow: Nauka. 358–396.
- Semenov, Yu. I. 2003. O moem "puti v pervobytnost'" [About "My Path to Primitiveness"]. In *Akademik Yu. V. Bromlei i otechestvennaia etnologia. 1960–1990-e gody* [Academician Y. V. Bromley and Russian Ethnology. 1960–1990s], ed. by S. Ya. Kozlov. Moscow: Nauka. 164–211.
- Sharevskaia, B. I. 1948. Apologiia rasizma v amerikanskoj etnografii. (Shkola "izucheniia sovremennykh obshchin") [An Apology for Racism in American Ethnography (School for the Study of "Modern Communities")]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 246–248.
- Sharevskaia, B. I. 1953a. Protiv antimarksistskikh izvrashchenii v osveshchenii voprosov pervobytnogo myshleniia i pervobytnoi religii [Against Anti-Marxist Perversions in the Coverage of Issues of Primitive Thinking and Primitive Religion]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 9–26.
- Sharevskaia, B. I. 1953b. Etnografiia Frantsii v period pervoi mirovoi voiny i v poslevoennye gody [Ethnography of France during the First World War and in the Post-War Years]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 208–214.
- Sharevskaia, B. I. and Pokrovskaiia, L. 1956. Vliianie sovremennoi reaktionnoi amerikanskoj sotsiologii na etnografiu Frantsii [The Influence of Modern Reactionary American Sociology on the Ethnography of France]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 140–145.
- Sharevskaia, B. I. 1959. "Etnologiia" i teologiia. (O zhurnale i institute "Anthropos") ["Ethnology" and Theology. (About the "Anthropos" Journal and Institute)]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 188–201.
- Sharevskaia, B. I. 1962. "Etnograficheskii metod" Marselia Griolia i voprosy metodologii v sovremennoi frantsuzskoi etnografii [The "Ethnographic Method" of Marcel Griaule and Questions

- of Methodology in Modern French Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 43–54.
- Solovei, T. D. 2004. *Vlast' i nauka v Rossii. Ocherki universitetskoï etnografii v distsiplinarnom kontekste (XIX — nachalo XXI v.)* [Power and Science in Russia. Essays on University Ethnography in a Disciplinary Context (19th–early 21st century)]. Moscow: Prometei. 498 p.
- Solovei, T. D. 2022. *Istoriia rossiiskoi etnologii v ocherkakh. XVIII — nachalo XXI v.* [The History of Russian Ethnology in Essays. 18th — the beginning of the 21st century]. Moscow: Etnosfera. 612 p.
- Tokarev, S. A. 1945. *Etnografiia v Akademii nauk (1745–1945)* [Ethnography at the Academy of Sciences (1745–1945)]. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia istorii i filosofii* II (3): 191–200.
- Tokarev, S. A. 1946. Engel's i sovremennaia etnografiia [Engels and Modern Ethnography]. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia istorii i filosofii* III: 17–30.
- Tokarev, S. A. 1948. Vklad russkikh uchenykh v mirovuiu etnograficheskuiu nauku [The Contribution of Russian Scientists to the World Ethnographic Science]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 184–207.
- Tokarev, S. A. 1951. Osnovnye etapy razvitiia russkoi dorevoliutsionnoi i sovetskoi etnografii: Problema periodizatsii [The Main Stages of the Development of Russian Pre-Revolutionary and Soviet Ethnography: Problems of Periodization]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 160–178.
- Tokarev, S. A. 1958b. Pervaia svodnaia etnograficheskaia rabota o narodakh Rossii (iz istorii russkoi etnografii XVIII v.) [The First Consolidated Ethnographic Work on the Peoples of Russia (From the History of Russian Ethnography of the XVIII century)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriko-filologicheskaiia seriiia* 4: 113–128.
- Tokarev, S. A. 1958c. Venskaia shkola etnografii [Vienna School of Ethnography]. *Vestnik istorii mirovoi kul'tury* 3: 182–192.
- Tokarev, S. A. 1966. *Istoriia russkoi etnografii. (Dooktiabr'skii period)* [The History of Russian Ethnography. (Pre-October period)]. Moscow: Nauka. 453 p.
- Tokarev, S. A. 1971. Rannie etapy razvitiia sovetskoi etnograficheskoi nauki (1917 — seredina 1930-kh godov) [Early Stages of the Development of Soviet Ethnographic Science (1917 — mid-1930s)]. In *Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii* [Essays on the History of Russian Ethnography, Folklore Studies and Anthropology], ed. by R. S. Lipets. Vol. V. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 111–120.
- Tokarev, S. A. 1974. Iz istorii etnograficheskikh issledovaniï v Akademii nauk [From the History of Ethnographic Research at the Academy of Sciences]. *Sovetskaia etnografiia* 2: 11–19.
- Tokarev, S. A. 1978a. *Istoki etnograficheskoi nauki. (Do serediny XIX v.)* [The Origins of Ethnographic Science (Until the middle of the XIX century)]. Moscow: Nauka. 164 p.
- Tokarev, S. A. 1978b. *Istoriia zarubezhnoi etnografii. Uchebnoe posobie* [The History of Foreign Ethnography: A Textbook]. Moscow: Vysshiaia shkola. 352 p.
- Tolstov, S. P. 1946. Etnografiia i sovremennost' [Ethnography and Modernity]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 3–11.
- Tolstov, S. P. 1947. Sovetskaia shkola v etnografii [The Soviet School of Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 8–28.
- Tolstov, S. P. 1950. Osnovnye zadachi i puti razvitiia sovetskoi etnografii [The Main Tasks and Ways of Development of Soviet Ethnography]. *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii* 12: 5–14.
- Tolstov, S. P. 1956. Itogi i perspektivy razvitiia etnograficheskoi nauki v SSSR [The Results and Prospects of the Development of Ethnographic Science in the USSR]. *Sovetskaia etnografiia* 3: 5–13.
- Tolstov, S. P. 1957. 40 let sovetskoi etnografii [40 Years of Soviet Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 5: 31–55.
- Tolstov, S. P. 1960. Osnovnye teoreticheskie problemy sovremennoi sovetskoi etnografii [The Main Theoretical Problems of Modern Soviet Ethnography]. *Sovetskaia etnografiia* 6: 10–23.
- Zarinov, I. Yu. 2003. Issledovanie fenomenov “etnosa” i “etnichnosti”: nekotorye itogi i soobrazheniia [The Study of the Phenomena of “Ethnos” and “Ethnicity”: Some Results and Reflections]. In *Akademik Yu. V. Bromlei i otechestvennaia etnologiiia. 1960–1990-e gody* [Academician Y. V. Bromley and Russian Ethnology. 1960–1990s], ed. by S. Ya. Kozlov. Moscow: Nauka. P. 18–36.